

Москва
Молодеж. театр
на Красной Пресне

ПОРТРЕТ ДИРЕКТОРА НА ФОНЕ ПОЛУРАЗРУШЕННОГО ТЕАТРА

Моск. Комсомолец, 1989, 3 ноября

НУЖЕН ЛИ ХОЗРАСЧЕТ ТЕАТРУ?

СОГЛАСНО теории Паркинсона, фирма, перевозящая в новое шикарное помещение, находится накануне краха. Если распространить сферу действия этой буржуазной теории на наше социалистическое искусство, то с ним (с искусством) все оказывается в полном порядке. Возьмем и посетим, например, один из ближайших к редакции «Московского комсомольца» театров — Молодежный на Красной Пресне.

Театр расположен в хорошем месте — неподалеку от консерватории, в самом центре.

Неказистый дом постройки прошлого века. Фасад еще куда-то, а внутри... Буквально все проржавело, разваливается, сыплется. С потолка огромный кусок штукатурки упал как раз на то место, где сидит дежурный вахтер. Хорошо, что в этот момент вахтерша отошла. Пол прогнул. А на том месте, рассказывают мне, провалился один гость — известный театральный менеджер из Голландии. Посмотрев здесь «Чайку», он поднялся на второй этаж, к директору. Под его размашистым шагом проседали старые половицы, но сильнее всех мощь гостя ощутил директор театра, когда голландец в восторге от спектакля долго бил его в грудь, показывая кулак с отставленным большим пальцем, — здорово, мол!

— Однажды в наш театр приехал представитель шведской молодежной студии и предложил нам сделать обменные гастроли: они сыграют на нашей сцене, мы — у них, в Стокгольме, — рассказывает директор Московского молодежного Сергей Анатольевич Просеков. — «А вас не пугает наша бедная обстановка?», — спросили мы шведа. — «Это ничего, так проявляется разница между двумя нашими системами: мы чиним, когда только начинает ломаться, а вы ждете, пока все рухнет».

— Так что же с вашим зданием, Сергей Анатольевич? Не перенять ли кое-что из опыта шведов?

— Здание действительно ветхое, сильно разрушенное. Ежечасно, ежесекундно мы рискуем оказаться под развалинами. Горком комсомола нам помог: по его инициативе сделан проект реконструкции. Но стоимость работ — два миллиона. Кто их даст нам?

— Ремонт — единственная неразрешимая проблема, насколько я понимаю. В остальном жизнь можно считать нормальной: спектакли Юрия Погребничко вызывают бешеный интерес, о них постоянно пишут во всех театральных и нетеатральных изданиях, мы ездите за рубеж.

— Со стороны наш театр, может быть, выглядит процветающим: фестивали, западные менеджеры, восторг. А у меня ощущение гувернантки в богатом доме, которую сегодня ценят, а завтра могут расчитать. Мы ведь целиком зависим от горкома комсомола. Он дает нам ежегодную дотацию, которой теперь, с ростом цен на всё (на печатание афиш и программ, на гвозди и доски, на обивку кресел и тому подобное), еле-еле хватает на самое скромное существование. Почти все сотрудники театра имеют специальное образование, а средняя зарплата у нас 115 рублей! И даже эта дотация, неизвестно, сохранится ли на будущий год. В конце каждого года на пленуме горкома утверждал бюджет. Мы существуем на деньги, перечисляемые райкомами, а они теперь сами решают, на что давать и как тратить взносы своих комсомольцев. На последнем пленуме, когда решалась наша судьба на 1989 год, некоторые секретари райкомов заявили, что предпочитают потратить деньги на дискотеку в своем районе, а не на какой-то театр.

— Да знают ли они ваш театр? Сегодня благодаря главному режиссеру Юрию Погребничко Театр на Красной Пресне считается одним из интереснейших мест Москвы театральной! Я знаю, что вы специально для знаменитого режиссера Петра Штайна играли «Чайку» и что Союз театральных деятелей постоянно направляют к вам иностранных гостей. Может быть, вас больше знают за рубежом, чем в своем родном городе?

— Как «лицо от театра» я должен вести себя скромно, поэтому скажу лишь, что и в Москве нас тоже знают и любят. Что касается театральных деятелей с Запада, то у них сложилось мнение, что самое интересное в советском театре происходит сейчас именно в студиях. Они охотнее ходят туда, чем в старые традиционные театры. Мэл Гордон, профессор Нью-Йоркского университета, сказал, что даже расстроился после нашего спектакля «Нужна трагическая актриса». Потому что увидел в нем театр будущего. Театр, какого в его стране еще нет. Правда, потом, посмотрев «Чайку», по его словам, приободился, поскольку лучше всего Чехова ставят в Америке. Он объясняет это привычкой русских искать в чеховских пьесах подтекст, тогда как Чехова, подобно американцам, говорит все открыто и прямо.

— Последняя ваша поездка за рубеж была в Бельгию?

— Это было летом. Мы участвовали в фестивале «Де сингл» в Антверпене, в Бельгии, и в фестивале под названием «Русские пришли» в Гааге (Голландия). «Де сингл» — международный фестиваль. В этом году он посвящался советскому искусству. Вместе с нами там шли «Дядя Ваня» в постановке Накрошуса (Литовский молодежный), «Палата № 6» Еремина и «Собачие сердца» Яновской (Московский ТЮЗ). О нашей «Чайке» очень много писали, на спектакль приехали из Брюсселя наши соотечественники, члены союза советских граждан. После спектаклей — овации, слезы, нас «разбирали» по домам...

— Простите, Сергей Анатольевич, что я возвращаю вас от таких приятных воспоминаний к суровой прозе жизни. А что, если вы останетесь без дотации горкома? Ваш театр сегодня на гребне успеха. Не сможет ли он сам себя прокормить?

— Я понимаю вас: «хозрасчет» нынче самое модное слово. Но искусство и коммерция — разные вещи. Нам часто говорят: «Почему бы вам не стать хозрасчетным театром? Жили бы себе, не отчитываясь ни перед кем!». Но посмотрите, как существуют другие хозрасчетные коллективы. У большинства доминируют три темы: Сталин, Высоцкий, эротика. На них можно делать деньги, но перед нами — другие цели. Нам надо не только себя «прокормить», но еще и школу. Наш театр — уникальный организм. Он создавался как центр эстетического воспитания. Теперь этот центр переместился в школу, которая находится при театре. В ней преподают наши педагоги, работают наши режиссеры и актеры. Ребята ставят учебные спектакли. Лучшие из них идут на нашей Малой сцене. Не обязательно, чтобы они стали актерами, но то, что они живут театром, заражаются любовью к искусству, имеет огромное значение. У них нет проблемы, чем себя занять, кому «дать в глаз», как «убить время». Они заняты делом, а главное, театр останется в их душах на всю жизнь. Пройдитесь сегодня по вечерним темным московским улицам. Разве вам не страшно по ним ходить?

— Страшно-ашно...

Берта САД